

HARLEQUIN®

070



Элизабет Бикон

В
ОЗВРАЩЕННАЯ
ЛЮБОВЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Элизабет Бикон

Возвращенная любовь

«Центрполиграф»

2013

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Бикон Э.

Возвращенная любовь / Э. Бикон — «Центрполиграф»,
2013 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07429-4

На экипаж молодой знатной леди Фреи Бакл напали грабители. Спасаясь от них в лесу, Фрея заблудилась и подвернула ногу. Измученную и без гроша в кармане, ее случайно обнаружил Ричард Сиборн. Вот уже несколько лет молодой аристократ под вымышленным именем скрывался в лесном домике с маленькой дочкой и приемным сыном. Ричард приютил Фрею. Неизбежное произошло – страсть вспыхнула между молодыми людьми, они были счастливы в объятиях друг друга, но недолго. Ричард не собирался жениться на Фрее, его главная забота – дети. С разбитым сердцем девушка покинула возлюбленного. А он вскоре понял, что не может без нее жить, но где ее искать?

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-07429-4

© Бикон Э., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Элизабет Бикон
Возвращенная любовь
Роман

Elizabeth Beacon

The Black Sheep's Return

The Black Sheep's Return Copyright © 2013 by Elizabeth Beacon

«Возвращенная любовь» © «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Рич Сиборн вытянул ноги к пылавшему камину, радуясь наконец-то представившемуся случаю отдохнуть. Долгий день, как всегда полный забот и тревог, остался позади. Интересно, что сказали бы старые друзья и родственники, если бы увидели его? Да и тот ли он человек, которого те знавали прежде? Раньше мистер Сиборн тоже поздно ложился спать и никогда не вставал рано, поскольку редко возвращался домой к тому часу, когда большинство смертных готовилось к очередному утомительному рабочему дню.

– Юный бездельник, – упрекнул он себя за прежние годы жизни.

Сейчас он с трудом представлял себя беспечным прожигателем жизни, каким был в молодости. Несмотря на тяжелый труд и большую ответственность, Рич и в мыслях не допускал вернуться к прежней беззаботной жизни праздного красавца. Тогда он не ведал, какое удовольствие приносит возможность добывать семье хлеб собственным трудом. Он не заработал и пенни до тех пор, когда встал перед выбором: либо учиться этому, либо жить впроголодь и видеть, как бедствует семья.

Рич откинулся на изрядно потертые подушки, творение рук жены, и удобнее устроился в одном из двух кресел, вырезанных из дерева, которое он срубил в лесу. Он был доволен собственным камином и наблюдал, как в нем горят дрова, которые сам наколот и высушил. Драгоценные десять минут Рич наслаждался покоем, затем поднялся по крутой лестнице, сооруженной собственными руками, когда он с женой приводил в порядок заброшенный домик, затерявшийся в столь глухом лесу, что казалось, будто о его существовании все уже давно забыли, и лег спать после нелегкого дня.

Если бы прежний Рич увидел себя спустя шесть лет, он удивился бы нынешнему грубоватому парню с натруженными руками, заросшему щетиной, с двумя грязными полосами на лице, оставшимися после того, как он в задумчивости потер нос. На губах мелькнула грустная улыбка, когда он вспомнил, как Анна то нежностью, то упреками старалась отучить его от этой привычки, однако, заглядывая в зеркало над камином, он убеждался, что уши слышат, а руки привычно делают свое, пока мысли совершают неожиданные повороты.

Когда Анны не стало, никто не поощрял, не журил и не заставлял его исправляться, и ему казалось, будто он нацелился переделать мир, вооружившись чайной ложкой. Рич не мог найти душевного покоя, даже когда накормленные и ухоженные дети спали наверху. Вот только рядом с ним у камина в маленьком кресле, специально вырезанном им, больше не сидела его любимая проникательная жена. Не отдыхала после утомительного рабочего дня. Не ждала его в постели, не ласкала. А после любовных страстей, которым оба предавались безмолвно, чтобы не разбудить малышей, не прижималась к нему, погружаясь в глубокий сон. Рич всегда удивлялся, как быстро она засыпала.

Чувствуя, как безысходная тоска вытесняет прежнее чувство удовлетворения, он хмуро взглянул на камин, нервно поерзал в кресле, будто стараясь отогнать мрак, который грозил окутать его жизнь. Многие месяцы после смерти Анны он в конце дня сидел у камина в одиночестве, погружаясь в собственные мысли и предаваясь отчаянию. Безмолвно ругал Бога, дьявола и весь мир за то, что жена умерла и оставила его одного. Рич стал никчемным бездельником, не способным даже успокоить плачущих детей, не говоря о том, чтобы как-то восполнить им потерю матери.

Долгими ночами ему иногда казалось, что нет смысла жить дальше, оглядываться в прошлое, пытаться стать и отцом, и матерью для двух крошечных малюток, которым не следовало жить в лачуге посреди леса. Каждую ночь он сидел здесь и тяжело переживал решение покинуть любящую семью. Твердил, что, если вернуться домой, его мать вырастит осиротевших детей. Те не чувствовали бы потерю, с которой он сам никак не мог смириться. Леди Генри

Сиборн своей любовью могла бы заполнить брешь. Младший брат и сестры тоже с радостью приняли бы племянницу и племянника, помогли воспитать их так, как полагается отпрыскам семьи Сиборн. Они унаследовали бы долгую и гордую традицию, обладали чувством ответственности, которого не доставало их отцу до тех пор, пока он не встретил Анну. Ему хотелось, чтобы сын и дочь обрели твердость характера. Рич посмеялся бы над такой мыслью, если бы она пришла ему в голову до того памятного дня, когда он на Стрэнде¹ встретил свою судьбу, после чего вся его жизнь в мгновение ока изменилась.

Рич вздохнул, сознавая тяжесть утраты. С тех пор прошло три долгих, трудных года. Он научился жить ради детей и уже не так, как прежде, сердиться на жену, на весь мир и дьявола за ее безвременную смерть. Теперь уже с улыбкой вспоминал, как встретил свою любовь, не так остро реагировал на волну горя, накатывающую всякий раз, когда в сознании возникало воспоминание о том, как он влюбился.

Все началось с отчаянного желания выручить очаровательную юную девушку, попавшую в беду. Проведя в ее обществе не больше пяти минут, Рич почувствовал головокружение при мысли о том, что встретил единственную любовь своей жизни. Это воспоминание и сейчас повергало его в дрожь.

Даже романтическая любовь не бывает такой, как в сказках, и оба они постепенно взрослели, становились сильнее. И однажды поняли, что в этом мире им самим придется пробивать дорогу. Оба были упрямы, страстны и сумели начать новую жизнь. Они обрели твердую почву под ногами, когда их чувства вышли за рамки первой головокружительной страсти и переросли в прочную любовь.

Пока Анна была жива, любовь выдерживала все испытания. Рич благодарил Бога за это. Теперь же ему до боли не хватало жены. Единственный способ унять тоску по живому уму Анны, красоте и неугасающему оптимизму перед лицом трудностей заключался в непрестанном труде. Не оставалось времени думать о том, сколь незначительной стала его жизнь после ее смерти.

Анна была стройной, как тростинка, пока не забеременела, и такой миниатюрной, что издали ее по ошибке можно было принять за ребенка, но оказалась крепкой, как сталь, когда жизнь задумала подвергнуть их новым испытаниям. Она львицей защищала свое потомство. Теперь дети принадлежали ему одному. Рич Сиборн жил бедняком, несмотря на роскошное имение и немалое состояние, ждавшие его в том случае, если он когда-нибудь осмелится предъявить свои права на них.

Конечно, он мог бы снова стать джентльменом, вернуть себе право наследства, как старший сын лорда Генри Сиборна. Обосновавшись в имении между Англией и Уэльсом, он мог бы извлечь пользу из крупного состояния. Та земля видела враждовавших принцев и мятежных баронов-грабителей, веками воевавших за обладание землей. Иногда Рич тосковал по ней, будто она обладала душой, взывавшей к нему. Он испытывал знакомое желание, не поддававшееся разумному объяснению, еще раз оказаться там. Это была не простая тоска по дому, а ощущение глубокой привязанности к прекрасной земле, на которой он родился. Та располагалась близко к местам обитания кельтов и не полностью умещалась в пределах границ плодородных земель Англии. Теперь, думая об этом, Рич понимал, что Сиборны придерживались почти такой же точки зрения. Они могли бы считаться подданными короля при условии, что тот не станет вмешиваться в их дела. Они были преданы стране, страстно любили свое семейство и не собирались поступаться своими правами, как и любой из старых лордов семейства Марчер, правивших феодальными поместьями. Они часто мыслили и действовали не менее прямо, чем так называемые валлийские повстанцы, устрашать которых их посылали.

¹ Стрэнд – одна из главных улиц Лондона. (Здесь и далее примеч. пер.)

Рич мог бы вернуться, его, блудного сына, с радостью встретили бы, особенно после того, как он объяснил, что его отшельничество было вынужденным. Семья простила бы ему годы, в течение которых он не давал о себе знать. Но он не вернется к жизни, полной наслаждений, хотя мог бы взять на себя ответственность за дом, смириться с радостями и горестями землевладельца и снять часть бремени с плеч главы семейства.

Вообще-то Сиборны отличались широтой взглядов. Джек, герцог Деттингем, сейчас исполнял обязанности не только свои, но также и Рича. Джек был женат, две его сестры и младший брат обзавелись семьями с тех пор, как Рич ушел. Иногда у него возникало сильное желание повидаться с ними, Ричу хотелось усадить жену и детей в телегу, на которой он доставлял товары к отдаленным рынкам, и вернуться домой. Тогда он увидел бы, как Хэл и Сэлли играют вместе со своими юными кузенами.

Он мог бы жить в кругу дружной семьи, в уютном доме. Но тогда он оказался бы в положении животного, угодившего в капкан, оставалось бы только ждать, когда дьявол настигнет его и разорвет на части. Поэтому он останется здесь и завтра, и в следующем году, до тех пор, пока дети не подрастут и не смогут постоять за себя. Однако его не покидал страх, что с ним может что-то случиться, и тогда дети останутся одни.

Рич вздохнул, притушил камин, положил старые ручные часы рядом с большими часами. Он нашел их в коробке со всякой всячиной, которую выбросил местный врач, убедившись, что справляется со сломанными часами не лучше, чем с хворями своих пациентов. Рич надеялся, что хорошо припрятал отличные часы фирмы «Томпион», которые в день совершеннолетия ему подарил отец, берег их, намереваясь дождаться, когда сыну исполнится двадцать один год, после чего обязательно открыть ему правду. Ему вдруг захотелось подержать прекрасные часы в руке, они пробуждали память о добром человеке, который подарил их ему. Рич лишь пожалел, что не может назвать его отцом.

Он вспомнил, как после смерти лорда Генри покинул родовое имение, считая, что никогда не сможет пойти по стопам родителя. Тогда Рич не понимал, что второго шанса убедиться в своей неправоте ему так и не представится. Впрочем, какой смысл думать о прежних ошибках. Ведь в тот день он встретил Анну, о чем ни разу не пожалел. Когда она умерла, в его сердце поселились печаль и чувство невозполнимой утраты.

Леди Фрея Бакл пережила день, полный чрезмерных физических усилий и невзгод, а теперь совсем заблудилась. Уже пора было насладиться теплом, уютом и трапезой, достойной дочери графа, однако в глухом лесу вряд ли можно надеяться на нечто подобное. Младшей и наименее терпимой дочери пришлось взять деньги и смириться с положением, которое за последние несколько лет не принесло ей никакого удовлетворения. Однако она не могла смириться с тем, что лишилась насущных удобств повседневной жизни.

Леди Фрея осталась одна без гроша в кармане. Под огромными деревьями становилось темно и холодно. Придется найти какое-то укрытие на ночь, дать отдых уставшему телу и покрытым волдырями ногам. Когда настанет день, в этом сумрачном лесу можно будет чувствовать себя в безопасности. Дрожа от холода, Фрея куталась в остатки прежде красивой накидки, едва преодолевая желание упасть на ковер из высохших листьев под ближайшим деревом и дать волю слезам.

Она принадлежала к знатному роду Бакл из Боуланда, пусть сейчас и оказалась одна в лесу, выбилась из сил, дрожала от холода и испытывала нестерпимый голод. Леди Фрея не могла позволить себе сдаться и заснуть, подобно беспомощному ребенку, посреди леса. Потомки семейства Бакл не падают духом перед лицом невзгод, однако трудно хранить королевскую невозмутимость, когда ее благородному семейству безразлично, что с ней случилось.

Если бы она вышла замуж за герцога Деттингема, можно было бы рожать детей и вести обеспеченную, праздную жизнь. Однако герцог имел иные планы. Аристократические браки

редко заключались по любви, но, казалось, благородное семейство Сиборн придерживалось другой точки зрения. Фрея вздохнула, думая о своенравии джентльменов, и неуверенно поплелась навстречу неизвестности. Герцог выдавал себя за здравомыслящего мужчину, который ищет прелестную жену с хорошими связями, но в действительности оказался романтичным глупцом, по уши влюбился и заключил брак с женщиной, являвшей полную противоположность Фрее, обретя не совсем ту герцогиню, которую требовало его положение. Год спустя мать Фреи, вдовствующая герцогиня из Боуленда, скончалась, и дочь на собственном опыте познала суровые превратности жизни. Никто не мог обвинить герцогиню, строго соблюдавшую приличия, в неверности супругу, однако родственники давали понять, что Фрея среди них нежеланная гостья.

Когда Фрее подвернулся случай найти другого кандидата в мужа, она шла навстречу планам брата, пока не услышала, как лорд Джордж Пертон рассказывает друзьям, что в браке его ждут ужасные мучения. Фрея вздрогнула, вспомнив, что лорд назвал ее упрямой клячей, на которую он никогда не залез бы, если бы представилась возможность свободно выбирать кобыл, тем не менее не откажется объездить ее исключительно ради кругленького приданого. Его друзья хохотали до упаду, затем стали хвалить рассказчика за храбрость.

– Старик, осмелюсь заметить, эта норовистая кобылка не упустит возможности сбросить тебя в ближайший пруд. На твоём месте я дал бы деру, несмотря на её приданое.

– Согласен, но ты не так беден, как я, а мой отец грозит вышвырнуть меня на улицу, если я не женюсь на золотой куколке. Так что женюсь на этой, сделаю ей одного или двух щенков, затем мой отец сможет развлечься с ней, пока я за её деньги начну объезжать других породистых кобылок. Если повезет, отец и моя жена могут так рассориться, что раньше времени отправятся на тот свет.

Фрея отказала лорду, гнев её брата был неопишем, но она не верила в иллюзию, будто семейство встретило её появление на свет с восторгом. Фрея смирилась с таким отношением к себе, однако того обстоятельства, что её недавно приняли в высшем обществе как леди Фрею, дочь графа с древней родословной, оказалось недостаточно, чтобы она и впредь стала подчиняться воле семейства. Теперь Боуленд сватал ей своего приятеля, ещё менее привлекательного, чем лорд Джордж. Фрея решила, что пора начать новую жизнь, пока её угрозами не заставили выйти замуж за малоприятного мужчину. При мысли о том, что придётся спать с мистером Форлендом, она вздрогнула. Представила его дряхлое тело, жадные руки, колючие маленькие глазки и противные интимные ласки, которым она не намеревалась обучаться вместе с ним.

Поездка к двоюродной бабушке по материнской линии казалась неплохим шагом для независимой жизни. Состоялась вежливая переписка, её пригласили в дом мисс Бредсток. Но Боуленд и слышать не хотел о том, чтобы принять её. Первый осторожный шаг в неведомое – решение покинуть родной дом – в любом случае казался достаточно безопасным, но вот к чему он привел. На этот раз Фрея вздрогнула так сильно, что едва удержалась, чтобы не рухнуть на землю и не забиться в истерику. Нет, она из семейства Бакл – даже если старой жизни пришел конец, не ей отступать перед невзгодами.

Фрея приподняла юбки, чтобы те не зацепились за куст ежевики, сердито взглянула на него, как на злейшего врага. В голову пришла мысль, что она, возможно, уже не один час кружит в этом лесу. Если бы только она поступила так, как учила её мама, и отправилась бы в путешествие в сопровождении вооруженных верховых, которые дали бы отпор злодеям, подобным тем, которые остановили наемный экипаж и пригрозили изнасиловать и убить её. Фрея зажала рот ладонью, затрясла головой, чтобы сдерживать подступавшие рыдания и не поддаваться истерике, глотнула изрядную порцию прохладного свежего воздуха, твердя себе, что истерика ни к чему хорошему не приведет.

Расслышав отчаянное фыркание, она подумала, что на этот раз сама невольно стала его источником. Ее брат и в самом деле оказался идиотом. К своему несчастью, он мечтал о власти, но не догадывался, что им верховодит умная плутоватая жена. Если бы Фрея знала, сколь опасно тайком покидать дом и ездить по малоизвестным дорогам, она, возможно, рискнула бы выйти замуж за противного толстяка. Нет, ей стало дурно при этой мысли. Уж лучше пусть ее разорвут дикие звери. Фрея снова едва не разрыдалась, когда вспомнила пережитый ужас, затем отчаянное бегство.

Дай бог, чтобы злодеи, напавшие на них, не убили кучера и сопровождавшего ее стража. Фрея вздрогнула, подумав, что тех могла настичь плачевная судьба. Она отчаянно надеялась, что оба мужчины сумеют спастись, и отдала злодеям свой кошелек. Однако рассказы о бандах, нападавших на беззаботных путников, зародили подозрение, не оказалась ли она наивнее Боуланда, поверив, что поступила правильно, вручив кучеру немалую сумму денег за содействие в побеге из дома.

Она осталась жива и не пострадала только потому, что панически бежала, разорвав одежду в колючем подлеске и потеряв последние остатки достоинства. Если бы только она догадалась зашить несколько гиней в нижних юбках или засунуть одну из новомодных бумажных банкнот в короткий корсет перед тем, как покинуть дом. Ей так не терпелось сбежать, что не оставалось времени подумать о том, какие опасности подстерегают в пути. Больше Фрея никогда не совершит подобной ошибки, если ей снова удастся обрести прежнее положение в жизни.

Она остановилась и прислушалась. У нее бешено колотилось сердце. Дыша глубже, она догадалась, что оказалась здесь совершенно одна, и искренне пожалела об этом. Если бы она родилась в другой постели! Например, была дочерью какого-нибудь сквайра. Тогда стала бы просто хорошенькой юной особой. Можно было бы заводить друзей, устраивать импровизированные пикники, всю ночь танцевать на сельских балах с молодыми людьми, которые жаждут найти хорошую жену.

Одними мечтами не выберешься из этого бесконечного леса, а сумерки все сгущались. Пришлось собрать волю в кулак, чтобы не поддаться панике от одиночества и не пугаться странных звуков. Хорошо, что сейчас лето и она в Англии, а значит, в пути не встретятся голодные волки и медведи. Разумеется, можно встретить волков в человеческом обличье, что подтвердилось сегодня утром. Однако лучше о них не думать.

Фрея упорно вглядывалась в темноту, но пришла к неутешительному выводу, что придется искать сухое дерево, свернуться калачиком и провести ночь под ним, пока не рухнула лицом вниз в колючий кустарник, подстерегавший в темноте, или не исцарапала тело, пытаясь бежать. Раз нет ничего лучшего, она воспользуется тем, что есть, пока еще больше не навредила себе.

Она растерянно остановилась, втянула воздух, точно охотничья собака, уловив едва ощутимый запах дыма и навоза, возможно, даже огорода, – явное свидетельство того, что не так далеко человеческое жилище. Не зная, хорошо это или плохо, особенно после пережитых днем ужасов, она пошла как можно тише на запах. Дрожа, поскольку ночь принесла с собой холод, Фрея споткнулась о корень, торчавший из земли, и неловко упала на кучу спиленных бревен. Она попыталась встать, ища опоры в темноте, и ахнула, когда ухватила за колючий куст ежевики.

Новые царапины причиняли острую боль. На глаза навернулись слезы. Фрея оперлась на руки, собираясь подняться, но почувствовала, как лодыжку пронзила острая боль. Она застонала. Осознав свое бедственное положение, заплакала навзрыд. И вдруг услышала лай собаки, которую, видимо, собирались выпустить на волю, чтобы отогнала неуклюжую дурочку, вторгшуюся в чужие владения. Она решила, что лучше всего свернуться калачиком и положиться на волю случая.

Фрея услышала, как собака завывала от нетерпения. Послышался топот огромных лап по сухой листве, устилавшей землю. Она вдохнула сладкий запах пересохших листьев, лишайника и земли на тот случай, если больше такой возможности не представится. Почти жалея о том, что чувства обострились в темноте, когда и так ничего нельзя разглядеть, Фрея услышала тяжелое дыхание, затем рычание и поняла, что ее худшие опасения вот-вот подтвердятся. Она уже хотела взмолиться, чтобы ее не трогали. Напряглась и ждала, пока собака не оказалась рядом. Несчастливая девушка перестала плакать, смирившись с тем, что огромные зубы вот-вот вонзятся в тело, но услышала дружелюбное сопение, затем озадаченный жалобный вой. Огромный зверь опустился рядом и стал вежливо обнюхивать ее рассыпавшиеся в беспорядке локоны, в то время как она, инстинктивно защищаясь, закрыла руками лицо.

Глава 2

Чуть приподняв голову, Фрея рискнула взглянуть в сторону, откуда донесся громкий вздох. Фрея видела не очень много, но и этого оказалось достаточно. Рядом с ней сидела огромная собака. Жалея о том, что мало знает об этих животных, так как у них дома не держали даже крохотной собачонки, Фрея задумалась над тем, как завести дружбу с собакой размером с пони.

Она осторожно протянула дрожащую руку, собака мирно обнюхала ее, опустила голову на лапы, еще раз вздохнула, будто все мирские заботы легли на ее плечи. Подавив истеричный смешок, Фрея с трудом поднялась на колени, но резкая боль в лодыжке снова заставила ее упасть на землю. Она досадовала, что ей не хватит смелости прижаться к этой явно миролюбивой псине и устроиться удобнее.

– Атлас, старина, что у нас тут происходит? – раздался из темноты низкий мужской голос; Фрея чуть не умерла от страха.

– Черт подери, кто вы такой? – резко спросила она, наконец почувствовав, что от гнева перестала плакать и бояться.

– Думаю, задавать такой вопрос имеет право только хозяин, – ответил мужчина с полным безразличием к леди, оказавшейся в беде.

Фрея засомневалась, хорошо ли поступила, дав волю гневу, ведь ее безопасность и будущее могут оказаться в его власти.

– Можете задавать вопросы, но не обещаю, что стану отвечать, – пробормотала она скорее про себя.

Мужчина расхохотался.

– Для начала давайте выясним, почему вы лежите посреди моей любимой рощицы, а потом посмотрим, что к чему. Хорошо?

– Я понятия не имела, что эта рощица ваша. Вам следовало навести здесь порядок, чтобы случайные путники в темноте не спотыкались, нанося себя увечья.

– Миледи, если бы я знал, что вы придете, позаботился бы о том, чтобы здесь навели полный порядок. Вы уж извините рабочего человека за такое упущение.

Фрея чуть не подпрыгнула, услышав насмешливое «миледи». Хотела спросить, откуда ему известно, кто она, но вовремя сдержалась, поняв, что причиной сарказма мужчины стало ее высокомерное поведение. В подобных обстоятельствах стоит вести себя скромнее.

– Простите, у меня был трудный день, – ответила она уже более миролюбиво.

– Понятно. Поэтому я проведу вас в дом, накормлю и напою, хотя при моих скромных возможностях такой высокородной леди, как вам, нечего надеяться на удобства. Однако же слишком поздно, чтобы позволить вам продолжить путь. Вы ведь заблудились. – Он явно слышал страх в ее голосе, хотя она изо всех сил старалась не выдавать его.

– Я не могу идти, – честно призналась Фрея.

– Даже боюсь спросить, как вы очутились в такой глуши, – усмехнулся незнакомец, будто это не имело никакого значения. Она ведь здесь, и он окажет ей необходимую помощь.

– Я упала, – невпопад ответила Фрея, удивляясь своему решению не сопротивляться и предоставить ему полную свободу действий.

– Возможно, было бы лучше, если бы вы сразу сказали об этом. – Ей показалось, или мужчина пробормотал эти слова. Она забыла о них, как только тот коснулся ее ноги, ощупывая, поскольку при нем не оказалось фонаря.

– Где у вас болит? – спросил он.

Фрея с удивлением подчинилась его властному голосу и указала на лодыжку.

– Моя лодыжка! – воскликнула она, когда мужчина дотронулся до больного места.

Атлас заскулил, не понимая, почему хозяин делает больно существу, которое он неожиданно обнаружил, но затих, услышав ласковые слова хозяина.

– Надеюсь, вы не слишком тяжелая. – Мужчина присел рядом с девушкой.

Казалось, над ней навис великан. Он подхватил Фрею на руки.

– О боже! – тихо вскрикнула она. – Если бы вы позволили мне опереться о ваше плечо, думаю, я могла бы пойти сама.

– На это ушла бы вся ночь, – ответил он и уверенно зашагал по лесной тропинке.

– Леди не подобает вести себя так, – пробормотала Фрея, прислушиваясь к едва слышному топоту лап Атласа, и, к удивлению, обнаружила, что огромный пес ей нравится. Хотелось почувствовать его теплоту и близость, ведь вряд ли можно ожидать, что его хозяин проявит эти качества.

– Возможно, но в этом глухом лесу нас не должны волновать подобные тонкости, – ответил мужчина так, будто был знаком с условностями изысканного общества. Хотя маловероятно.

Только подумав, она приняла его за человека своего круга, едва он заговорил; и, возможно, этим объяснялась уверенность, что ей нечего волноваться, следовательно, можно позволить этому джентльмену позаботиться о себе. Тяжелый день остался позади, Фрея надеялась, что все обернется именно так, как ей хотелось. Если удастся остаться целой и невредимой, утром все войдет в нормальную колею. А сейчас ей было приятно, что сильный мужчина несет ее на руках. Она почувствовала крепкие мышцы, какими вряд ли могли похвастаться знакомые ей джентльмены. Довольно вздохнув, она прижалась к его плечу.

– Вот мы и пришли. – Мужчина свернул на извилистую тропинку.

Увидев слабый свет в окне, Фрея широко раскрыла глаза.

– Хорошо, что путь оказался недолгим, иначе вы уже крепко спали бы, – прошептал мужчина, переместив ее так, чтобы было удобно открыть дверь.

– Какая замечательная комната, – искренне обрадовалась Фрея, увидев разожженный камин и удобные кресла по обе его стороны.

Его жена, видимо, уже отправилась спать, потому, наверное, он говорил тихо, боясь разбудить ее после трудного рабочего дня. Фрея восхищалась его предупредительностью и на мгновение позавидовала этой женщине, удивляясь, как приятна мысль, что о тебе в конце тяжелого дня заботится сильный мужчина, особенно если ты всю жизнь не утомляла себя трудом.

– Жаль, что комната не очень просторная. Поскольку мы занимаем ее вместе с Атласом, приходится мириться с тем, что кому-то из нас не удастся близко подойти к камину, – заметил хозяин дома и осторожно опустил Фрею в маленькое кресло.

– Мне она кажется очень уютной, – призналась Фрея, вздрогнув при мысли, что могла и не оказаться в этой комнате после дня, полного тяжких испытаний.

– Мы поспорим об этом, когда решим, где лучше пристроить вас в столь тесном пространстве. – Мужчина опустился перед ней на колени и настоял на том, чтобы помочь ей снять перепачканную туфлю.

Он с раздражением взглянул на нее, когда она оттолкнула его руку от разодранного чулка и велела отвернуться, чтобы снять подвязку.

– Готово? – недовольно спросил мужчина, будто это действие раздражало его не меньше, чем само появление непрошеной гостьи.

– Да. – На этот раз она не прикусила губу, чтобы скрыть досаду.

– Хорошо, а теперь позвольте мне хорошенько осмотреть вашу ногу. – Мужчина будто мысленно собирался с силами, чтобы заняться столь неприятным делом. – Наверное, я вам причиню боль, но буду признателен, если вы не станете кричать, поскольку наверху спят мои дети. Обычно их пушкой не разбудишь, но, думаю, женщина, орущая во всю глотку, обязательно поднимет их на ноги.

Значит, у него есть дети? Мужчина ни разу не обмолвился о жене. Наверное, вдовец. Фрея уже стала опасаться, не угодила ли в более опасную ситуацию. Судя по поведению, он не представлял угрозы, как разбойники с большой дороги, с которыми она столкнулась утром, или так называемые джентльмены в танцевальных залах, которые стремились прильнуть к ней во время исполнения фигур. Этот мужчина вряд ли откровенно посягнет на честь юной леди, – для грубого человека в простой одежде, живущего в лесном домике, у него поразительная осанка. Все, кроме голоса, говорило, что мужчина не тот, за кого себя выдает.

Он снова опустился перед ней на колени. Фрея решила доказать, что не все леди орут и падают в обморок от легкого прикосновения, или даже, допустила она, в случае более дерзкого прикосновения.

Фрею пронзила леденящая боль, когда он легко коснулся ноги. Несмотря на это, она отметила его темно-каштановые волосы. При свете камина в них играли золотистые отблески, что резко контрастировало с темными бровями и загаром под выросшей за день щетиной. Неудивительно, ведь мужчина проводил большую часть времени на воздухе. В его резких чертах и остром носе не было ничего аристократического. Однако выразительные губы таили усмешку, отчего лицо казалось не столь суровым, как у средневекового монаха.

Фрея избегала взглядов мужчины, когда на обоих падал свет от огромной восковой свечи. Ей так и не удалось рассмотреть цвет его глаз, однако у него были поразительно длинные густые ресницы. Фрея еще не встречала мужчин с подобными ресницами. Тем временем он большими натруженными руками с поразительной нежностью исследовал ее изящную ногу. Чтобы не думать о боли, она отметила про себя, какие у него длинные сильные пальцы, пригодные для любой работы, которая могла понадобиться в хозяйстве.

Фрея вдохнула запах его тела и ощутила аромат мыла, идущий от мужчины. Она заключила, что он моется каждый вечер, наверное, в то время, когда купает детей.

Едва удержавшись, чтобы не коснуться копны его длинных вьющихся волос, Фрея отдернула руку. Почему он живет здесь, в глуши, подумалось ей? Видно, семья, научившая мужчину хорошим манерам и речи, подобающей джентльмену, обнаружила, что он вышел из повиновения. Он похож на человека, склонного поступать по-своему.

Все в этом мужчине представляло загадку. Когда его взгляд с холодным спокойствием встретился с ее глазами, Фрея догадалась, что он понял, о чем она думает. В его глазах не отражалось ни жестокости, ни алчности, чего не скажешь про мужчин, напавших сегодня на экипаж, или про ее последнего поклонника. Она пережила страшные минуты, весь день пребывала в подавленном состоянии, неподобающем леди, однако все, похоже, обернулось хорошо.

– Наверное, вы сожалеете о том, что обнаружили меня в лесу, – сказала Фрея, когда мужчина, стоявший перед ней на коленях, точно подданный перед королевой, поднялся.

– «Поверь, все будет к лучшему, Утрата»², и давайте больше не будем затрагивать эту тему. – Мужчина вышел, судя по ворвавшемуся в комнату прохладному воздуху, в судомойню.

– Это, случайно, не героиня «Зимней сказки»? – Фрея поймала себя на мысли, что обитатели лесных домиков вряд ли читают Шекспира. – Извините, что я удивляюсь, – добавила она, когда мужчина появился, неся таз и тряпки. – Наверное, зимой в этой глуши, когда нет работы, вы много времени проводите за чтением.

– Наверное, дело обстоит именно так, – безразлично ответил он.

Она стала догадываться, что в его жизни существует нечто, о чем он не намерен говорить, но это заинтриговало ее еще больше.

– Скажите, как вас зовут? – спросила она с надменной уверенностью, присущей леди.

Мужчина приподнял брови, продолжая окунать тряпки в ледяную воду.

² Пер. с англ. В. Левика.

– Покажется странным, если я стану величать вас сэром или вашей светлостью, не так ли? – спросила она тихим голосом Утраты и обнаружила, что ей это нравится.

– «Меня зовут Орландо, ваша светлость»³, – наконец ответил мужчина, опускаясь перед ней на колени.

Фрея ахнула, когда он обернул ее большую ногу влажными холодными, как лед, тряпками.

– Вот как. Значит, мы уже дошли до «Как вам это нравится», верно? – пошутила Фрея – боль прошла, и она почувствовала облегчение.

– Мы те, кем предпочитаем быть, – в тон ей заметил мужчина и взглянул на нее так, будто по глазам мог прочитать историю ее жизни.

– Спасибо. – Фрея отчаянно желала, чтобы ему это не удалось.

– За то, что я предоставляю вам свободу быть не той, кем вы являетесь, или за то, что унял вашу боль?

– Возможно, за то и другое.

– Леди, добро пожаловать, вы моя гостья. – Мужчина отвесил элегантный поклон, что, вместе с изысканной речью, никак не вязалось со скромной обстановкой, в которой он жил.

– Благодарю вас, любезный господин. – Фрея сделала королевский жест и улыбнулась.

– Теперь осталось лишь подумать, где устроить вас на ночь, – сказал Рич, отворачиваясь от заблудившейся леди, которая неожиданно показалась ему весьма соблазнительной.

Был бы он предоставлен самому себе, провел бы половину ночи, беседуя с ней, потеряв осторожность. Незнакомка заинтриговала его тем, что, в зависимости от настроения, напоминала то вдовствующую королеву, то одинокую женщину с мальчишескими повадками. Возможно, Рич немного приблизился к разгадке тайны своей гостьи. Только что он заметил озорство в ее янтарных глазах и понял, что она гораздо сложнее, чем та роль, которую играла. Он пожалел, что поставил свечу слишком близко к ней, увидел настоящую красоту этих необычных глаз, когда встал, перевязав ей ногу. Ричу казалось, что он утонет в них, если не сумеет держать себя в руках.

– Если вы способны выдержать храп Атласа, вам лучше устроиться в этой комнате на кровати в углу. Завтра дети примчатся ко мне еще до восхода солнца. Я готов предложить вам свою постель и устроиться здесь, но, думаю, вряд ли вам понравится, когда два непокорных отпрыска начнут прыгать по вашим ногам.

– После пережитого сегодня кажется чудом, что можно устроиться на ночь в столь уютной обстановке. И я очень рада, что ваша собака составит мне компанию. С ней не страшен ни вор, ни разбойник. – Фрея явно находила столь простую жизнь интригующим приключением.

Пройдет несколько дней, и подобное земное существование надоест принцессе в бегах, решил Рич. Он надеялся, что ему удастся избавиться от нее еще раньше. Ведь дети без стеснения начнут изучать эту женщину, и, несмотря на ее безупречные манеры, это осложнит и без того щекотливое положение.

– Приготовлю поссет⁴, это поможет унять сильную боль, а пока он будет настаиваться, застелю вам постель. – Рич надеялся, что говорит беспристрастно, как и положено гостеприимному хозяину.

– Благодарю вас, Орландо. Вы принимаете меня, точно члена королевской семьи, – вежливо ответила Фрея.

Рич посчитал хорошим признаком, что гостья отбросила манеры насмешливой плутовки.

Он предпочел бы, чтобы та вела себя сдержанно и изысканно вежливо. Сейчас ему вообще хотелось находиться как можно дальше от любой хотя бы немного привлекательной молодой женщины. Право, он обращал лишь вежливое внимание на женщин с тех пор, как

³ Цитата из пьесы У. Шекспира «Как вам это понравится» (Пер. с англ. В. Левика).

⁴ Поссет – горячий напиток из молока, сахара и пряностей, створоченный вином.

впервые увидел Анну. Казалось, будто он предает свою любимую, раз желает узнать о неожиданной гостье немного больше, чем цвет ее глаз. После ни с чем не сравнимых любовных утех с женой, остальные представительницы прекрасного пола воспринимались лишь как добрые знакомые или похотливые особы, которых следует избегать. Он убеждал себя, что даже малейший интерес к этой интригующей женщине оскорбляет память Анны.

– Вы мудрый человек? – с любопытством поинтересовалась Фрея, пока он добавлял щепотку какой-то травы, пряности и мед в сосуд над огнем, до тех пор, пока напиток не обрел необходимый вкус.

– Утрата, думаете, я стал бы жить вдали от себе подобных, окажись у меня хоть капля разума? – беспечно спросил он.

В красивых глазах гостьи снова загорелось любопытство.

– Несомненно, если у вас имеются на то веские причины.

Рича настораживал ее испытующий взгляд. Он решил проверить, осталось ли запасное белье для постели, которую прежний владелец домика так хорошо встроил в стену, что они с женой решили не трогать ее, когда въехали сюда. После перестройки домика уцелела только эта кровать, если не считать большую часть крыши, стен и трубы. Они с Анной вселились в этот дом, поскольку больше никто не предъявил на него права.

– Возможно, мне надоело общество, – пробормотал Рич достаточно громко, чтобы она могла услышать. И испытал угрызения совести, ибо предал давнюю традицию гостеприимства, соблюдаемую в семействе Сиборн.

– В следующий раз, если придется спастись от шайки разбойников, я обязательно побегу в противоположную сторону, – ответила гостья холодным тоном, ставя его на место.

Строптивому Ричу это не понравилось.

– Неужели они были столь уж страшны?

– Какие могут быть сомнения? С какой стати мне тогда бежать так далеко и поспешно, что я заблудилась, спасаясь от них?

– Простите, вы пережили тяжелое испытание. Главное теперь прийти в себя, а потом как можно быстрее вернуться к друзьям и семье. Ваши родные, наверное, волнуются за вас. Я могу сообщить им письмом, что вы в безопасности и не очень сильно пострадали. Если вы захотите написать такое письмо.

Фрея долго молчала, Рич уже подумал, не уснула ли она, пригревшись у камина. Он неохотно обернулся и взглянул на нее. Фрея с сожалением покачала головой. Впервые он увидел гостью печальной, будто она жалела себя.

– Я не стану никому писать, – удрученно ответила девушка. – Родственники не будут беспокоиться обо мне. Благодарю, сэръ, не стоит утруждаться.

– Вы путешествовали одна? – Рич невольно услышал неодобрительные нотки в своем голосе и подивился, с какой стати он беспокоится о богатой и чрезмерно избалованной молодой леди, которая попала в опасную переделку.

– Я уже взрослая. Почему же не могу путешествовать одна? – спросила Фрея, будто нет ничего удивительного в том, что молодая женщина отправляется в дорогу в наемном экипаже без спутницы или защитника.

– Наверное, именно поэтому все вышло столь неудачно. Лучше бы вы путешествовали по королевскому почтовому тракту дилижансом и с вооруженной охраной.

– Я ехала не по почтовому тракту.

– Это почему же?

– Это вас не касается.

– Хотите, чтобы утром я отправил вас в ближайший населенный пункт, откуда вы, хро-мая, снова сможете пуститься в неразумные эскапады? Как я могу повернуться спиной к такой

женщине, как вы, и позволить ей бродить по округе? Вы представляете, куда идти, не лучше моей трехлетней дочери.

– Я знаю, что делать, – заявила Фрея тоном повелительницы.

– Великолепно. Вы только что известили совершенно незнакомого человека, что никто не заметит, если вы исчезнете навсегда. Значит, я мог бы умыть руки, дурно обойдясь с вами или воспользовавшись удобным случаем. Что скажете на это? Принцесса Утрата, мне кажется, моя Сэлли соображает намного лучше вас.

Глава 3

Фрея смутилась, поняв, что мужчина прав и она полностью в его власти, но тут же вернулась к привычному образу мыслей, то есть что она права, а все остальные ошибаются. Она приосанилась и одарила его надменным взглядом, достойным его бабушки, вдовствующей герцогини Деттингемской, когда та пребывала на вершине славы. Задаваясь вопросом, доводилось ли этой аристократке встретить хоть одну леди, которая могла бы смутить ее взглядом и не стала бы терпеть глупых разговоров, Рич решил не выдавать своего восхищения холодным достоинством, с которым Фрея глядела на него. Он любил бабушку больше остальных членов семьи и поэтому неожиданно нашел ледяное спокойствие этой нежеланной гостьи привлекательным.

– Я доверяю вам, – наконец спокойно заявила Фрея.

Рич почувствовал, что на его плечи легла еще одна ноша, и едва не издал горестный вздох.

– И правильно делаете, – тут же согласился он. – Я не убийца и не могу вообразить ничего более отвратительного, чем принуждать женщину против ее воли.

– Видно, я соображаю не так уж плохо, как вы считаете, – смело парировала она.

Рич отметил синие тени под глазами своей гостьи и заметно побледневшее лицо и понял, что лишь благодаря силе духа ей удастся сидеть прямо.

– Утрата, так это или нет, я вижу, ваши силы иссякли, – заметил он тем же тоном, каким разговаривал со своей строптивой маленькой дочкой, когда та была готова заснуть стоя, после долгого дня, заполненного озорством и шумными играми.

Фрея подняла голову и уже собиралась поклясться, что свежа как огурчик и готова пуститься в новые приключения, но вдруг поникла, будто уступая страшному изнеможению. Так же случалось с Сэлли, которая засыпала за ужином, едва успев заявить, будто ничуть не устала. Опасаясь, что Утрата вот-вот перенесется в царство грез таким же образом, Рич снова поднял ее на руки.

– Не шумите, – приказал он, по глазам догадавшись, что силы покинули ее.

Фрея сердито взглянула на него. Рич признал, что у нее это хорошо получается, и кивком указал на потолок, напоминая, что в этом доме они не одни, кому хочется спать. Заметив, что тело гостьи расслабилось во время краткого пути от камина до кровати, он почувствовал, как в нем просыпается особый интерес. Он снова видел в ней весьма желанную молодую женщину, однако подавил воспрянувший дух сластолюбца.

– Я лучше перевяжу вашу ногу как следует, иначе придется провести беспокойную ночь на влажной постели. – Рич усадил гостью на край кровати и еще раз опустился на колени перед ее исцарапанными ногами. – У Кейзиа есть дурнопахнущая мазь, которая мигом избавит вас от этих волдырей. Утром я возьму у нее немного этой мази, так что вам будет совсем не больно ходить, когда заживет лодыжка.

– Кто эта Кейзиа? – спросила Фрея.

Ричу показалось, что ей удалось внятно произнести эти слова лишь благодаря упрямой решимости побороть страх и изнеможение.

– Не разговаривайте, – сурово произнес он, понимая, что придется раздеть ее. – Поднимитесь, – приказал он, будто разговаривал с Сэлли, и, веря, что может обмануть себя, вообразил, будто перед ним ребенок, а не зрелая и очень желанная женщина. Он пытался дольше сдерживать бушевавшие внутри страсти, чтобы без приключений уложить ее спать.

Фрея дулась и твердила себе, что все происходит так, будто она вернулась в детскую комнату, тем не менее поднялась на матрасе, набитом перьями, и тут же ощутила боль в лодыжке и волдыри на ногах. Она вздрогнула, когда Рич снял с нее пояс, расстегнул одежду, аккуратным и

ловким движением стянул когда-то покрытое красивыми узорами платье. Фрея тут же вспомнила, что у хозяина дома наверху спит маленькая девочка, за которой он явно ухаживал сам.

– У вас есть другие раны, о которых вы умолчали? – спросил Рич, когда Фрея тяжело опустилась на удобную кровать.

– Нет, – ответила она, стараясь всеми силами побороть одолевавший ее сон.

– Тогда постарайтесь встать, чтобы я мог накрыть вас, – резко приказал он. – После этого можно будет спать спокойно.

– Да, папа, – строптиво пробормотала Фрея, но подчинилась, стараясь не обращать внимания на то, что на нее накатывается горячая волна, когда Рич коснулся ее скудно прикрытого тела.

– Поверьте мне, Утрата, сейчас я не испытываю к вам ни малейших отцовских чувств, – резко предупредил он.

И без всяких усилий переложил гостью на чистую хлопковую простыню, которой был застлан матрас, затем накрыл одеялами и подоткнул их, будто чувствовал себя спокойнее, когда она надежно устроена на ночь. Блаженно вздохнув от ощущения чистых простыней и уютной постели, она открыла глаза, пробормотала слова благодарности и тут же погрузилась в сон.

– Не за что, миледи, – прошептал Рич, видя, как напряжение покидает ее, а сон смягчает черты лица. Она теперь выглядела свежее, чем пока бодрствовала.

Дивясь превратностям судьбы, приведшей эту женщину к порогу его дома в таком состоянии, что он не смог отвергнуть ее, Рич поманил Атласа и вывел на улицу перед сном. Он не сомневался в том, что гостя не проснется, даже если солдаты Бони⁵ нынешним вечером устроят маневры в его огороде. Он дождался Атласа, пытаясь забыть о женщине в постели своей жилой комнаты. Вряд ли удастся избавиться от нее, пока она не поправится и не окажется в состоянии ходить.

Его мучила неведомая тоска, смущала животная страсть к женщине, которая ему вряд ли понравилась бы, если бы он, скромный обитатель леса, встретил ее в обличье особы королевских кровей и высокого положения. Дремлющий в мужчине зверь иногда дает о себе знать, и сегодня вечером он проснулся. Рич думал, что Аннабель укротила его и отбила вкус к другим женщинам.

«Влечение следует обуздывать, – подумал он, – а заблудившаяся гостя и так слишком много пережила, чтобы подвергать ее новым испытаниям, даже если я желаю ее». Рич предложил ей кров, еду и тепло, но потом с огромным чувством облегчения отправит восвояси. Неделя с желанной женщиной, которую он не мог любить, могла показаться целым годом. Рич тяжело вздохнул, свистнул Атласу, вошел в дом и тихо, точно вор, прокрался наверх. Плотнo закрыв дверь своей узкой спальни, он пытался уснуть после долгого дня. Он занимался детьми и спас взбалмошную молодую леди от собственных глупостей. Рич метался в постели, пока усталость окончательно не овладела им. Все обитатели одинокого домика в лесу Лонгборо наконец-то уснули.

– Неужели она собирается проспать сто лет, точно принцесса в лесу? – спросил высокий голосок у самого уха Фреи; ей показалось, будто она плывет ему навстречу из бездонных глубин сна.

– Глупая, конечно нет. Так бывает только в сказках, – презрительно откликнулся другой юный, не столь резкий голос. – Видно, она умерла.

Фрее на мгновение показалось, что второй ребенок прав, пока она пыталась сообразить, как оказалась в чужой постели и почему не испытывала страха, когда заснула. От сильной боли в лодыжке и множества не очень чувствительных покалываний, неподвижности рук и ног

⁵ Бони – такой кличкой англичане наградили Наполеона.

казалось, будто она постарела на полвека, но зато поняла, что еще жива и страдает оттого, что совершила побег, после чего очутилась в этой ситуации.

– Это не так, она только что моргнула.

Фрея почувствовала на своей щеке дыхание второго ребенка. Почему-то подумала, что это мальчик.

Тот стоял на цыпочках и с любопытством глядел на нее, точно надеясь, что увидит первого мертвеца в своей жизни, а его сестре лишь показалось, будто она моргнула. Не без труда разомкнув веки, Фрея вблизи увидела ясные голубые глаза мальчика и подумала, не вознеслась ли она на небеса. С первого взгляда он показался ей херувимом, затем Фрея заметила озорство и живость в его ясных голубых глазах.

– Подвинься, – приказала крошка, стоявшая рядом с ним, и стукнула мальчика резным деревянным конем с такой силой, что Фрея вздрогнула, переживая за малыша. – Я ничего не вижу, – пояснила девочка, будто это оправдывало любые ее попытки занять более удобное положение.

– В следующий раз я брошу Пода в костер, и он сгорит, – пригрозил мальчик, потирая больное место и пытаясь схватить оружие малышки.

– Нет, ты этого не сделаешь, у тебя ничего не получится, – громко возразила рассерженная малышка и уже была готова разразиться слезами, испугавшись, что такое может произойти.

– Чертенята, я же велел вам не мешать леди спать, – раздался голос вчерашнего спасителя, что предвещало бурю, судя по тому, как малышка скривилась и, казалось, готовилась устроить нешуточную театральную сцену.

– Папочка, мы ей не мешали. – Девочка умышленно состроила обворожительную улыбку. Фрея почувствовала, как у нее тает сердце от столь забавной выходки.

– Должен признаться, вы мешали целую минуту, пока я отвлекся, чтобы вытащить занозу из лапы Атласа, которая, как ты утверждала, расстроила тебя. В следующий раз я не стану этого делать, раз ты ведешь себя так, стоит мне только отвернуться.

– Не надо, папа, – молила девочка; подлинное волнение, отразившееся в ее зеленых глазах, говорило о том, какая она замечательная маленькая актриса.

– Конечно, я так не поступлю. Не могу же я допустить, чтобы такая добрая, порядочная собака, как Атлас, страдала из-за дурных поступков непослушной маленькой девочки и ее большого брата. Вам бы следовало знать это.

– Нам хотелось проверить, не мертва ли она, – серьезно оправдывался мальчишка.

– Вы разбудили ее и убедились, что она жива, значит, можно было поздороваться и попросить у леди прощения, – холодно сказал чисто выбритый и удивительно привлекательный Орландо.

На него смотрели две пары широко раскрытых невинных глаз, будто сестре и брату никогда в жизни в голову не приходили озорные мысли.

– Не забудьте, я ваш отец и знаю, что таких бесенят, как вы, прислали из подземного царства, чтобы лишить покоя. Не пытайтесь строить из себя ангелочков. Сэлли, сделай реверанс, а ты, молодой человек, поклонись леди так изящно, как умеешь. Ты ведь разбудил ее, а мальчику старше пяти лет полагается вести себя так, как ему велят.

– Леди, мы очень сожалеем, что нарушили ваш покой, – сказал мальчик, сделав причудливый, но изысканный поклон, покоривший Фрею.

– Сэлли? – напомнил отец; на мгновение показалось, что сейчас разразится буря.

– Мы извиняемся, – произнесла девочка, точно ожидая, что всем понравится, как она обворожительно неверно пролепетала эти слова, после чего взрослые забудут обо всем остальном.

– И?... – строго напомнил отец.

Девочка издала долгий страдальческий вздох, говоривший: «Неужели это действительно нужно?» Отец тут же кивнул, давая понять, что она так просто не отделается. Малышка сделала нерешительный реверанс, затем раздраженно плюхнулась на пол.

– У меня не получается, – сердито заявила она и скрестила руки на груди, состроив недовольную гримасу, будто ни в чем не виновата.

– Научишься, если мы оба хорошо постараемся, – ответил неумолимый отец, поднял ее на ноги, не обращая внимания на бунтарское выражение лица, и хмуро взглянул на Фрею.

– Спице, – резко приказал он и вышел из дома.

Дети последовали за ним.

– Ну и дела. – Фрея с недовольным видом обратилась к Атласу, решившему, что сегодня утром ему лучше отдохнуть, нежели сопровождать хозяина. Собака устроилась на коврике и довольно вздохнула.

Фрея снова легла. Однако вскоре поняла, что больше не уснет, и, преодолев сильную боль, села и стала гадать, поплывет ли комната перед ее глазами или нет, если встать. Когда ничего не произошло, она решила сбросить одеяла и, критически оглядев помятый край рубашки, подивилась, как могла спать немытой, пусть даже после столь обильного на невзгоды дня.

Сморщив нос и подумав, что неплохо бы умыться, она надела порванное грязное платье, осторожно опустила здоровую ногу на пол. Тело казалось деревянным, лодыжка ужасно болела, но Фрея была цела и невредима, а урчание в животе напоминало, что она страшно проголодалась. Сначала надо раздобыть мыло, воду и расческу. Да еще придется найти уборную. Естественные потребности давали о себе знать. От тщетных надежд, что все желания леди безоговорочно будут выполнены, Фрея вдруг почувствовала себя чужой, одинокой и брошенной в этом тесном домике посреди леса. Она огляделась и заметила, что в комнате царит идеальная чистота.

Доскакав на одной ноге до двери, Фрея открыла ее и обнаружила пристроенную к дому скромную судомойню, в которой на столе из сосновых досок стоял медный котел и два больших ведра с водой. Кроме того, пустой таз и железный ковш с длинной ручкой, чтобы зачерпывать воду, которая пролилась бы, если наклонить тяжелое ведро. Фрея сморщила нос, представляя, каково мыться ледяной водой, пожалала плечами, огляделась в поисках мыла и чего-нибудь вместо полотенца. Проклиная отсутствовавшего хозяина за чересчур большую аккуратность, она провела истертой тряпкой с запахом лаванды по коробке на подоконнике и задумалась, удастся ли доскакать до постели и задернуть занавески, чтобы умыться, или же заняться этим прямо здесь. Если взять с собой таз, можно по пути разлить всю воду.

Взяв вместо полотенца грубую ткань, которой он, наверное, вытирал посуду, Фрея проверила, закрыта ли дверь, затем расстегнула короткий корсет, сняла несвежую рубашку. Какое удовольствие мыться холодной водой и отличным мылом. Она смыла с лица и тела пот, страх и грязь, обнаружив, что не так просто хорошо отмыться, стоя на одной ноге. Губка или кусок фланели сейчас очень быгодились.

Фрея нахмурилась, потрогав волосы, напоминавшие воронье гнездо. Часть волос была завязана узлом, некоторые пряди вырывались на свободу. Она вытащила заколки, сложила их на столе и вздохнула с облегчением, когда тяжелая масса упала ей на плечи. О, какое удовольствие и облегчение чувствовать, как нечесанные волосы распускаются и ложатся на спину.

Фрея занялась грязными ногами, нашла еще один таз и наполнила его чистой водой. В первом тазике вода уже стала грязной, непригодной для мытья.

Наконец Фрея помылась, насколько это возможно без горячей воды, и горестно вздохнула. В это мгновение открылась дверь и вошел Орландо. Фрея в ужасе застыла на месте, наполовину прислонившись к столу, наполовину сидя на нем, чтобы можно было помыть здоровую ногу и снять тяжесть тела с больной. Она так покраснела, что казалось, каждая частичка ее тела испытывает стыд. Взглянув на него из-под густых волос, она заметила неподвижный, почти

изумленный взгляд, точно его без всякого повода стукнули по голове. Оцепенев, Фрея на этот раз разглядела, что его глаза при дневном свете такие же ярко-зеленые, как у его маленькой дочери, и в них отражаются противоречивые эмоции. Орландо уставился на нее, точно моряк, обнаруживший сушу после долгого плавания.

– Прошу прощения, – наконец произнес он низким и более хриплым, чем прежде, голосом, резко развернулся и вышел, прежде чем Фрея успела вымолвить хоть слово.

Она все еще стояла, потеряв дар речи, и думала, что он удрал, как ошпаренный кот. Потом решила завершить свой импровизированный туалет. Фрея с отвращением разглядывала грязную рубашку и платье, как вдруг дверь чуть приоткрылась, показалась сильная мужская рука и бросила на пол чистые вещи, после чего дверь снова плотно закрылась. Фрее это показалось забавным. Она с благодарностью надела сорочку, чуть не разразившись истерическим смехом над последним актом фарса, который сама же и разыграла вместе с Орландо.

Фрея печально взглянула на платье, с трудом надела его и решила, что его жена ростом была значительно меньше ее. Казалось, придется носить свое наполовину разорванное платье, чтобы сохранить хоть какое-то приличие. Если бы только она знала, что он сделал с ним. В следующий раз, когда дверь отворилась, он просунул хлопковое одеяло. Фрея обернулась им, точно баннным полотенцем, расправила неприлично обнаженные плечи и, прыгая на одной ноге, покинула судомойню. Она решила предстать перед ним, не теряя собственного достоинства. Ей потребовалась вся отточенная гордость семейства Бакл, чтобы встретить его взгляд так, будто он вовсе не видел ее в чем мать родила.

– Мне хотелось бы попросить у вас расческу, – с важным видом сообщила Фрея.

– Вот этим пользовалась моя жена, – ответил он без всякого выражения в зеленых глазах, передавая ей щетку и расческу. На мгновение Фрея даже забыла, что следовало бы сильно обидеться.

– Благодарю вас. – Она приподняла брови, давая понять, что ему пора удалиться, если в нем осталось хоть что-то от джентльмена.

– Мне обещали наряд, который вряд ли подойдет вам по размеру. Ваше платье постирают и заштопают. Поскольку вы уже на ногах, я позабочусь, чтобы наряд доставили как можно быстрее, – монотонно сообщил Орландо и ушел.

Страдая от боли, Фрея проковыляла к постели, опустилась на нее, задернула занавеску позади себя, чтобы наконец-то почувствовать некоторую иллюзию уединения. Она осмотрела щетку, будто та могла поведать что-то о прежней владелице, но в ней не осталось ни одного случайного волоска, так что не удалось догадаться, какого цвета волосы были у той леди. Фрея вздохнула и, не веря в успех, долго расчесывала спутавшиеся волосы, от всего сердца жалея, что при ней нет горничной. Она оставила ее в Боуленде, не подумав, как сможет обойтись без нее. Конечно, Фрея умела расчесывать свои волосы, все женщины это умеют, но она вспомнила, какую нежность и терпение маленькая Мерси Докинс проявляла к своей требовательной хозяйке, и, как ни странно, ей стало стыдно, пока она распутывала сбившиеся локоны.

Фрея пришла к выводу, что не глупа, раз вдали от дома стала усерднее думать о повседневных нуждах в возникших странных обстоятельствах, однако ей до сих пор удавалось шагать по жизни, не особенно думая о себе или тех, кто ее окружал. Смерть дедушки она переживала тяжелее, чем потерю отца, а неожиданная кончина матери два года назад потрясла ее до глубины души. Если не считать эти две тяжелые утраты, единственным, что до вчерашнего дня причиняло некоторые страдания, был брак его светлости герцога Деттингема с мисс Джессикой Пендл, хотя дело вовсе не в том, что ее сердце разбито.

«Отнюдь нет», – решила Фрея и озабоченно нахмурилась, когда нашла сучок, который застрял в ее волосах, и принялась осторожно вытаскивать его. Герцог предпочел хромую старую деву хорошенькой дочери графа Баклендского. Фрея впервые поняла, не все разделяют убеждение, будто в жизни ей полагается все самое лучшее, что может дать общество. Какое-то

время она обижалась и сердилась, ей даже в голову не пришло, почему Джек Сиборн, герцог Деттингем предпочел ей, здоровой и благородной особе, страдающую физическим недостатком мисс Пендл.

Леди Фрея, как и ее мать, нисколько не сомневалась, что ей предопределено стать следующей герцогиней. Однако во время очередного малого светского сезона отовсюду доносились смешки и едкие замечания. Фрея делала вид, будто ей безразлично, что новая герцогиня со своим одурманенным от любви мужем отправилась в длительное свадебное путешествие по Озерному краю⁶. Самые завидные холостяки избегали танцевать с ней и находили будущих жен на шикарных вечеринках, которые устраивала леди Боуленд, или во время посещения театров. Фрея неожиданно стала посмешищем в глазах тех самых людей, которых ей так хотелось впечатлить своей древней родословной и гордой красивой внешностью во время первого выхода в свет.

Смерть леди Боуленд и два года жизни в имении изменили ее. Фрея наконец-то поняла, что она не исключительное существо, благословенное всеми богами при крещении. Лишившись преимуществ, которые дают богатство и титул, она была вынуждена стать самой собой. Леди Фреи, предмета смелых мечтаний матери и дедушки, больше не существовало. В маленькой комнате сидела женщина, которой предстояло, пока не поздно, выяснить, чего она хочет добиться в этой жизни. Ей вдруг захотелось узнать это как можно скорее.

Фрея смущенно поежилась на кровати и, продолжая расчесываться, пыталась убедить себя, что ее нервирует лишь непрекращающаяся ноющая боль в лодыжке. Дело не в том, что она предстала перед Орландо обнаженной, хотя ее, точно дурной сон, преследовала подленькая мысль, как было бы приятно увидеть его совершенно нагим. Она снова нетерпеливо поерзала, но тут же сдержала крик от страшной боли. Нога напомнила, в сколь отчаянном положении она оказалась. Конечно, следовало вести себя, как подобает леди, сколько бы времени ни потребовалось для исцеления. Это потом она покинет этот домик, как можно лучше сохранив репутацию и достоинство, которые и без того пострадали.

Несмотря на горевшие щеки и потрясение, Фрее захотелось узнать, как Орландо воспринял ее. Она даже не обратила внимания на то, что ее пальцы нащупали последний узел в волосах. Теперь волосы стали мягкими и гладкими. Из-за титула и богатства ей льстили, хотя за глаза высший свет смеялся над ней. Тем не менее Фрея знала, что достаточно красива и хорошо сложена. Похожа скорее на нимфу, нежели на богиню. Разумеется, кое-кто мог посчитать ее худощавой и несформировавшейся. «Не иначе, некоторые мужчины предпочитают утонченность очевидным прелестям пышных женщин», – раздумывала она. У нее были длинные изящные ноги, узкая талия и развитые бедра. Она съежилась от чувства вины, будто сама гладила изгибы своего тела, чтобы убедиться, понравятся ли они любовнику. Фрея затаила дыхание, представив, что Орландо когда-нибудь станет смотреть на нее именно глазами любовника, и ужасалась от этой мысли.

⁶ Озерный край расположен на северо-западе Англии.

Глава 4

Нет больше смысла делать вид, будто она и в самом деле холодна и бесстрашна, не стоит обманываться. Когда в ее сердце вспыхнул горячий огонь, а кровь ускорила бег, Фрея почувствовала себя так, будто заново родилась. Не понимая, нравится ли ей это, она отложила расческу и взяла щетку с некоторой надеждой придать волосам блеск, что могло бы вернуть уверенность, какой она обладала до того, как обнаружила, что герцоги не падают услужливо у ее ног, как спелые яблоки с дерева.

Конечно, она никогда не чувствовала особенного интереса к высокому и поразительно красивому герцогу Деттингему. Но в тот июньский вечер, когда он принимал у себя в Эшбертон-Нью-Плейс гостей, чтобы присмотреть себе невесту, Фрея считала, будто рождена и воспитана для того, чтобы стать женой самого знатного мужчины в стране.

Он был хорош собой, Фрея тоже, и этого, по ее мнению, было достаточно, чтобы их брачное ложе оказалось сносным местом, где можно будет произвести целое племя маленьких лордов и леди.

Внутренний голос прежней Фреи шептал, что она права. Однако подобный брак сейчас казался совершенно безрадостным. Она сидела на скромной кровати бедного мужчины и гнала прочь мысль о том, что могла бы разделить это ложе с ним. Когда Рич сбрил вчерашнюю щетину, его лицо обрело привлекательность. Правда, он не столь красив, как Джек Сиборн, не отличается романтической удалью, как граф Калверкомб, так поспешно женившийся на Персефоне, прелестной кузине Джека, сразу же после свадьбы герцога, что высший свет неделями с упоением предавался сплетням, грозившим вылиться в грандиозный скандал. Даже юный Телемах Сиборн, известный под именем Маркус, затмил бы Орландо, если бы не робел перед жгучими глазами своей молодой жены. Все знали, что их брак заключен по любви.

Интересно, с какой стати она сидит здесь и думает о семье, из-за которой дошла до того, что больше никто не хотел брать ее в жены. И вдруг догадалась. Это, вероятно, объясняется тем, что Орландо поразил ее своей сдержанной силой. Наверное, инстинкт не обманул. Он много сделал ради нее, нечего и сомневаться в собственном внутреннем чутье. Фрея надеялась на это, иначе уже давно угодила бы в беду, оказался Рич нечестным мужчиной. Очевидно, не просто так он застрял в лесу, где найти его могли лишь по чистой случайности. Явно он из тех мужчин, кто не станет пасовать перед трудностями. Фрея представляла, как он встречает опасности хитростью и безрассудной храбростью, не прячет голову в песок, когда приходится защищать свою семью. «Вот здесь-то, – решила Фрея, радостно поверив в безошибочность своего чутья, – и кроется тайна».

Она догадалась, что Орландо очень любил свою жену. Леди Фрея Бакл даже не смела мечтать, что какой-нибудь мужчина станет любить ее так же сильно. Ради ее благополучия Орландо пересек бы океаны и вступил в бой. Но он все еще здесь, значит, очевидно, его детям что-то угрожает. Фрея покачала головой и нахмурилась, не веря, что кто-то способен причинить зло таким веселым, подающим надежду малышам. А если он сбежал с миссис Орландо из-за того, что его брак решительно не одобрили? Несомненно, его воспитали как джентльмена. Возможно, он работал воспитателем в аристократической семье и сбежал с дочерью какого-то важного лорда? А если все гораздо хуже и он увел жену лорда? Наверное, жена приходилась законной собственностью этого человека, и тот не мог добиться развода в палате лордов. Он ведь не мог притащить жену домой за волосы, заставить выполнить свой долг и родить ему сына. Наверное, лорду так и не удалось выяснить, где она находится.

Фрея пришла к выводу, что не винит жену обитателя леса, если та предпочла его какому-то толстому аристократу, замуж за которого ее выдала семья. Фрея сама чуть не стала жертвой подобного заговора, но у нее не оказалось доблестного спасителя, который перечеркнул

бы семейные замыслы. Признавшись виноватой в аморальности, она спросила себя, почему эта женщина не могла завести красивого молодого любовника, чтобы как-то восполнить отсутствие брачного ложа. Однако напомнила себе, что все это домыслы. Даже возможность завести любовника на день не могла бы заставить ее выйти замуж за очередного неприятного протеже Боулендов.

Может быть, Орlando приверженец Руссо или какого-то романтического поэта-философа, решившего собственными руками обустроить свою жизнь посреди леса? Однако, вспомнив, как он напряженно смотрел на нее горящими глазами, что сулило невероятные наслаждения в постели, Фрея подумала, что тот когда-то был более лихим и сластолюбивым авантюристом, чем любой поэт-идеалист или робкий отшельник. На мгновение она не без волнения допустила, что значит быть горячо желанной неотразимым повесой. Орlando подавил эту похотливую мысль, тоску и надежду, вспыхнувшую между ними, опасаясь, как бы та не разгорелась ярким пламенем. Ушел с таким видом, будто Фрея, как этого требуют приличия, была одета с ног до головы.

Бросив щетку на смятые одеяла, точно та накалилась докрасна, она гнала прочь глупую ревность к женщине, которой принадлежал этот предмет туалета. Давая волю фантазиям, Фрея представила, что Орlando расчесывает ей волосы медленными, чувственными движениями, играет с густыми локонами и накрывает ими ее нагое тело, прежде чем доставить ей удовольствие с королевской щедростью, на которую не способен ни один другой мужчина. Она твердила себе, что понятия не имеет, каково быть чувственно соблазненной и полностью удовлетворенной.

Ей также хотелось знать, уж не бедный ли бывший пират этот мужчина, скрывавшийся в лесу, избегая себе подобных. От прилива любопытства вдруг напряглись ее чувствительные соски. Фрея смущенно поерзала на матрасе. Она твердила себе, что ей не нужен неотесанный любовник с двумя дерзкими детьми, зависящими от отца, который выполнял также обязанности матери. Похоже, дети недовольны, что отец проявляет к ней внимание. Как только Фрея сможет безболезненно ходить, не оглядываясь покинет это место.

Почему же, когда она неуклюже заплела волосы и пыталась еще раз ступить на пол, ей показалось, будто она на отдыхе? Ее пронзила столь же острая и тошнотворная боль, как вчера, когда она повредила ногу. «Какая же ты глупая», – упрекнула она себя, ковляя через комнату и думая, как удовлетворить следующую насущную необходимость. Фрея открыла дверь и поискала взглядом, нет ли поблизости туалета или какого-нибудь куста, где можно облегчиться, ибо больше терпеть неумоготу. Заметив навес в нескольких ярдах от дома, она обрадовалась, что вчера не угодила в помойную яму. Одной рукой прижимая к себе одеяло, другой опираясь на крепкую палку, Фрея запрыгала на одной ноге в сторону настила, заросшего жимолостью. Палку она нашла предусмотрительно оставленной у задней двери. Но это обстоятельство ее не тронуло.

Не имело значения, что у него хватило такта проявить внимание к ее потребностям и позволить свикнуться с жизнью в создавшейся ситуации. Однако, казалось, леди Фрея превратилась в карикатуру самой себя, вживаясь в роль Утраты. Она раздумывала над эпизодом из пьесы Уильяма Шекспира, в котором принцессу-найденьшу оставляют на воспитание крестьянам. Кем бы она была сейчас, если бы ее забрали из замка Боуленд по прихоти отца, которому померещилось, будто жена изменяет ему, а презренная дочь вовсе не его ребенок? Не давшее покоя подозрение, что она не леди Фрея Бакл, казалось кошунственным, учитывая, что мать растила ее, гордясь древним именем, которое носила.

К счастью, уборная оказалась поразительно чистой, отдавала просмоленным деревом и землей и присутствием цивилизации. Разглядывая странное сооружение, она засыпала дыру чем-то похожим на сухую землю, надеясь, что скрыла все. Затем запрыгала на одной ноге в

сторону домика. Она чувствовала себя значительно лучше, правда, ее стал мучить сильный голод.

– На завтрак у нас будет Перси, – таинственно сообщил мальчик, выскочив из-за деревьев с другой стороны опушки. Маленькая девочка поддержала его торжествующим визгом. Казалось, малышка все время следовала за старшим братом, но тот снова исчез.

– Кто такой Перси? – рассеянно спросила Фрея. С той стороны, откуда появился мальчик, ей в нос ударили вкусные запахи.

– Это один из прошлогодних поросят, – сообщил он и пожал плечами, будто говоря, что такова жизнь в этих местах.

Фрея недоумевала, действительно ли ей следует знать имя поросенка, которого отведают на завтрак.

– Пахнет вкусно, – заключила она. Голод поборол сомнения хотя бы на десять секунд. От запаха и дыма потекли слюнки.

– Очень вкусно! – решительно подтвердила Сэлли, хмуро взглянув на Фрею, будто они еще не завтракали исключительно по ее вине. – Папа велел нам привести вас, – с укором сообщила она.

Фрея поняла, что будет нелегко расположить к себе девочку, которая считала себя хозяйкой домика и сердца ее владельца.

– Весьма любезно с его стороны. Я действительно очень проголодалась, поскольку вчера осталась без завтрака и обеда, – с непритворным ужасом сообщила Фрея.

– А вы не ужинали? – спросила девочка, подобрев к непрошеной гостье.

«Это еще ни о чем не говорит», – горестно решила Фрея.

– Мне было не до ужина, я очень устала, – ответила она и заметила, что ребенок сочувствует ей.

– Мы не устали, но очень проголодались, поскольку папе пришлось разводить огонь и готовить завтрак. Нам нельзя было мешать вам, – сообщил мальчик, одарив Фрею холодным укоряющим взглядом, потому что из-за нее они еще не завтракали.

– А разве вы не мешали мне? – спросила Фрея столь же холодным тоном и смело посмотрела в его необычайно голубые глаза.

– Я никогда не видел мертвого человека, – ответил мальчик, будто это давало ему право не считаться с вежливостью, чему пытался научить его отец.

– Как ни странно, ты до сих пор не видел его, ведь так?

– Нет, разве только вы не заболели? – нерешительно спросил он, будто Фрея могла заболеть из уважения к тем, кто по своей доброте ради нее не приступил к завтраку.

– Ни в коем случае, – искренне ответила она. – У меня просто немного болит лодыжка. Даже маленькой Сэлли пришлось замедлить шаг, чтобы не обгонять ее.

– Все может быть хуже, чем вы думаете, – с надеждой сказал мальчик.

– Почему тебе так хочется увидеть мертвого человека?

– Потому что моя мама умерла, а я не помню, как она выглядела, – сердито ответил он, будто упрекая Фрею в том, что та задала этот вопрос, ведь он еще слишком мал, чтобы врать.

– Я тебе очень сочувствую. Моя мама тоже умерла, я тоскую по ней каждый день, однако помню ее. Я и не думала, как мне повезло, прежде чем не заговорила с тобой, кем бы ты ни был, сэр.

– Меня не так зовут, – возразил мальчик, невольно впечатленный признанием Фреи, что та тоже осталась без матери.

– Его зовут Хэл, – раздраженно подсказала его сестра, точно все должны это знать, а Фрея оказалась несведущей.

– Меня зовут Генри Крейвен. Для вас я мастер Генри Крейвен.

– Очень хорошо, мастер Генри Крейвен, – согласилась Фрея, присев в неловком реверансе. На большее она не могла осмелиться, держа палку в руке и боясь, что нога не выдержит, если присесть чуть ниже.

– А вы кто такая?

– Мисс... – Она подыскивала подходящее вымышленное имя, и вдруг ее осенило: – Роуан. – Фрея решила, что ей понравится обращение мисс Роуан.

– Хорошее имя, – одобрила Сэлли и заговорщически улыбнулась, чему, должно быть, научилась, инстинктивно эксплуатируя отца не один год.

– Благодарю. Ваше имя тоже звучит хорошо, мисс Крейвен.

– Папа, мы нашли ее, – громко сообщила Сэлли, будто они искали целый день.

Фрея пыталась не завидовать радости маленькой девочки, когда та увидела своего отца.

«Было бы легко полюбить смелую непослушную девочку», – мечтательно подумала она.

Орландо, видно, развивал в своих детях индивидуальные способности, не делая из них послушных чад, молчавших большую часть времени, чего добивался ее отец. Она решила, что легче играючи обучать детей премудростям жизни, если жить не в барском доме, а в лачуге и есть то, что сам можешь вырастить. Например, бедного поросенка Перси.

– Ваш завтрак, мисс, – сообщил Орландо и поклонился, точно пират, передавая поднос с грубым хлебом, беконом, грибами, собранными в лесу, и чем-то похожим на омлет, приготовленный с разными травами и зеленью с большого огорода, место для которого он расчистил в лесу.

– Благодарю вас, добрый сэръ, – ответила Фрея и с превеликим достоинством опустилась на пень, который служил табуретом. Все не так просто, пришлось садиться осторожно, чтобы не растревожить больную ногу. – Какой чудесный аромат.

– Ваша вилка, мисс, – сказал Орландо, озорно пародируя беспристрастного ливрейного лакея.

Это заставило Фрею задуматься о том, кем же он мог быть в прежней жизни.

– Какая невероятная роскошь, мистер Крейвен, – весело откликнулась она, беря двузубую вилку, должно быть, только что вырезанную из дерева специально для нее.

– Тогда ешьте, мисс. – Он вспомнил, что вчера она не назвала свою фамилию.

– Папа, ее зовут мисс Роуан. Ты что, разве забыл? – спросил сын, не переставая есть, и кивнул им, будто дивясь, как взрослые могут беспокоиться о подобном светском вздоре, когда стынет еда. Фрея снова невольно почувствовала неведомое очарование.

– Сын, не думаю, что мисс Роуан так просто назвала бы свое имя взрослым джентльменам. Тебе она сделала исключение. Наверное, ты чудесным образом околдовал ее.

– Все было именно так, – подтвердила Фрея, увидев, как Генри виновато покраснел, вспомнив, что в действительности довольно грубо спросил, как ее зовут.

– Ешьте, – подбодрял Орландо Крейвен, будто сейчас у него не хватало сил спорить с леди.

Никогда еще Фрея не завтракала с таким удовольствием, сидя на пне посреди лесной опушки вдали от цивилизации. Пели птицы, Атлас обнюхивал окрестные кусты, делая вид, будто равнодушен к остаткам еды с барского стола. Каждый кусочек хрустящего бекона, сочных вкуснейших грибов и свежих яиц, приправленных травами, напоминал пищу богов. Сок пропитал хлеб снизу, и он стал мягким, привычным для Фреи. Она радостно, как и дети, с довольным лицом отламывала кусочки хлеба. Временами робко поглядывала в сторону Орландо, заметив, что он ест не очень много, однако из-за того, что он увидел ее обнаженной в судомойне еще полчаса назад, она не осмелилась похвалить его за еду и поблагодарить за то, что он предусмотрительно готовил не дома, чтобы не беспокоить ее. На самом деле он серьезно обеспокоил ее.

– Вам лучше? – наконец спросил он, будто возвращаясь к действительности от глубоких раздумий.

Она вздохнула и протянула Атласу вкусные остатки хлеба, корка которого была слишком твердой. Фрея не рискнула подвергать опасности свои зубы.

– Намного лучше. Благодарю вас. Мистер Крейвен, ваша собака ведет себя очень хорошо, – добавила она, когда Атлас вежливо и осторожно взял у нее еду. Фрея даже перестала бояться его внушительных зубов и мощных челюстей.

– Приятно слышать, что могу похвастаться успехом и по этой части, – ответил Орlando, строго глядя на присмиривших отпрысков.

– Интересно, который сейчас час? – задумчиво спросила Фрея, скорее желая отвлечь его, нежели узнать точное время.

– Около семи. – Орlando не поглядел на часы.

По лицу Фреи можно было заметить, что она не поверила ему. Тут подала голосок Сэлли:

– Папа всегда знает, который час.

– Я знаю свойства солнца и повадки существ, обитающих в этом лесу. – Он пожал плечами, будто в этом не было ничего особенного.

Фрея устыдилась своего невежества, ведь люди, зарабатывающие на хлеб тяжким трудом, должны следить за временем суток.

– Наверное, это очень ценное качество, – робко заметила она. У нее не выходила из головы их последняя встреча.

– Совершенно верно, – ответил Орlando.

– Папа, нам можно идти? – прервал его Генри, будто ему надоели глупости взрослых.

– При условии, что вы оба будете рядом, – строго ответил отец. Это означало, что он не шутит.

Сын с серьезным видом кивнул. Сэлли пожала плечами, будто не понимая, почему мужчины столь упрямы. Фрею подмывало громко расхохотаться.

– Мисс Роуан, пока нет моих маленьких чертенят, пора подумать о том, как вы проведете этот день, – сказал он, не глядя на нее.

– Постараюсь не путаться под ногами. – В ее голосе послышалось строгое достоинство, она больше вчерашнего пожалела, что снова стала прежней.

– Не смещайте меня, – резко возразил Орlando, будто Фрея требовала, чтобы он ухаживал за ней каждую минуту.

Теперь она поняла, что означал многострадальный взгляд Сэлли. Должно быть, ей хорошо известно, что значит жить с двумя раздражительными мужчинами. Фрея жалела, что не имеет ни малейшего понятия, как справиться с этим Крейвеном, и подавила желание устало вздохнуть.

– Вам же приходится трудиться, чтобы заработать на хлеб. Сэр, не пойму, как мое желание не мешать способно рассмешить вас, – ответила она ледяным, полным достоинства тоном.

К счастью, Орlando не догадывался, как неловко ей сидеть с обнаженными плечами и не очень умело заплетенной косой, спускавшейся на спину. Она старалась завернуться в импровизированное платье, чтобы скрыть правую ногу от его взора, несмотря на то что он видел ее обнаженное тело. Стоило больших усилий не краснеть при одной мысли об этом.

– Если я денек отдохну, ничего страшного не случится, – угрюмо сказал Орlando, будто в душе соглашаясь, что ведет себя не очень разумно, но ничего не может с этим поделать.

– Со мной не надо носиться точно с капризным ребенком.

– Хорошо. Мне хватит и своих двух чад. – На его хмуром лице появилась кривая усмешка, из-за которой она вчера против своей воли доверилась ему. – Придется решить некоторые прозаические вопросы, прежде чем вы втопчете мой горох в землю или случайно нач-

нете рубить деревья, – добавил он, словно доверял ее способностям домохозяйки не больше, чем она сама.

– Даже я знаю, что сейчас не то время года, когда что-то рубят.

– А вы сможете отличить горох от бобов?

– Только когда увижу их в своей тарелке.

– Значит, оставьте их в покое, пока я не научу вас отличать одно от другого. Хорошо?

Удивительно, неужели он действительно думает, будто леди Фрея Бакл станет пачкать и натирать свои нежные руки, чтобы отблагодарить его за гостеприимство или развеивать скуку, занимаясь скучными делами домохозяйки? Она величественно кивнула, так и не поняв, чем займется до тех пор, пока не пройдет боль в ноге и можно будет покинуть это место.

– Со временем все образуется, – успокаивал Орландо, будто догадался, что она думает о своих бедах. И действительно, Фрея подумала о том дне, когда придется поискать себе место в этом мире.

– Пока непонятно, как это произойдет, – возразила она с отчаянием в голосе. Казалось, будто эти слова произнесла не леди Фрея.

– Просто удивительно, Утрата, чего может добиться человек, пока жив и надеется, – ответил он.

Она подумала, что Орландо знает, о чем говорит.

– Согласна. Постараюсь смотреть на вещи более оптимистично.

– Может, вам нужно еще поспать?

– Возможно.

– Тогда почему бы вам не отправиться на боковую, пока мы с детьми не принесем вам какую-нибудь одежду?

– Сэр, не пойму, зачем вам так обременять себя, – как-то скованно ответила Фрея, думая о том, откуда ему взять одежду, и почувствовала нелепую ревность. В голову полезли разные догадки.

Глава 5

Взгляд Орландо задержался на гладких белых плечах Фрея, выпуклостях груди под плотно завязанным хлопчатобумажным одеялом, чуть выглядывавшей ноге под неумело подбранными складками. Фрея покраснела. Если бы он был из тех джентльменов, которых она встречала в обществе или одним из двух вчерашних злодеев, сверливших ее жадными глазами, она бы постаралась укрыться от откровенно мужского любопытства, но это Орландо. Часть ее существа, которую она опасалась анализировать, была польщена при мысли, что он считает ее желанной. Заметив его горящие глаза, Фрея подумала, что он считает именно так. Нравится ему это или нет, уже другой вопрос.

– Это меня несколько не обременит, – тихо заверил он.

Фрея не знала, предпочитает ли Орландо, чтобы она накрылась, чтобы он не смотрел на нее, мечтая о разных заманчивых возможностях, или же он понимал, что ей неуютно сидеть с обнаженными плечами и руками.

– В таком случае должна заранее поблагодарить вас за заботу. – Фрея впервые посмотрела ему прямо в глаза после того, как он увидел ее нагую.

– Не за что, леди. – Орландо поклонился почти так же вежливо, как и его сын. Ясно, откуда у юного Генри такая грация и важный вид.

Поклон свидетельствовал о том, что перед ней джентльмен, обладающий силой и свободой выбора, преклоняющий колени исключительно по собственной инициативе. Фрея представляла его безупречно одетым красавцем, который после обеда с важным видом идет по улице Сент-Джеймс навстречу своим друзьям, чтобы предаться запланированным заранее развлечениям. Хмуро подумав, что Орландо таит в себе тайн больше, чем ей показалось, Фрея постаралась прикрыться насколько было возможно в ее скудном одеянии. Если бы она, впервые выйдя в свет, встретила бы его в какой-нибудь лондонской гостиной, вряд ли он избавил ее от всех мелких унижений, которые она выносила в последние годы. Возможно, он был бы уже женат и перестал появляться на блестящих лондонских сезонах к тому времени, когда она впервые выходила в свет. Конечно, при условии, если бы вел себя достаточно скромно. Так что даже хорошо, что его там не было, ведь присутствие такого мужчины могло бы смутить ее еще больше.

– Где же дети? – спросила Фрея, чтобы отвлечься от неразумных мечтаний.

– Где-то здесь. Обычно они слушаются меня – на свой лад, конечно. По крайней мере, Атлас вместе с ними, – ответил Орландо, отойдя в сторону и пропуская ее вперед.

– Не лучше ли будет, если вы пойдете впереди меня? Я передвигаюсь очень медленно, несмотря на палку. Кстати, спасибо, что вы предусмотрительно нашли ее для меня.

– Утрата, кто знает, что может случиться, если предоставить вас самой себе? Вдруг наткнетесь на медведя, а тот устроит погоню за вами.

Фрея рассмеялась, услышав намек на самую поразительную цитату из Шекспира – «сошел со сцены, преследуемый медведем», – и решила почитать «Зимнюю сказку». Произведения Шекспира стояли на полке рядом с ее кроватью. Орландо приходилось экономить каждый дюйм маленького дома.

Рич не желал слышать хриплый, хотя и совершенно естественный смех определенного типа женщин. Он живо вспомнил визгливое хихиканье дебютанток и их старших, более раскованных сестер, которые изо всех сил пытались очаровать неуловимого Сиборна, внука герцога, близкого родственника и друга необузданного и уклончивого Джека, герцога Деттингема. Сейчас хрупких влюбленных красавиц и заблудившуюся принцессу разделяла такая же про-

пасть, как его Аннабель и всех остальных представительниц женского пола. Следовательно, надо быть настороже.

Это поразительное сочетание девушки-женщины во многих отношениях так не походило на его любовь, что даже сравнение казалось странным. Утрата по природе своей высокомерна, но при этом бесстрашна, как и Аннабель. Намного выше ростом, руки и ноги длинные и изящные. В то бесконечное мгновение, когда в судомойне в нем проснулась волчья страсть, он заметил, что изгибы ее тела круче, чем у Аннабель. При мысли о высоких и твердых грудях его гостыи, легко помещавшихся в ладонь мужчины, его охватила дрожь и пронзила волна соблазна. Фрея стояла перед ним обнаженная, стройная, совершенная, потрясенная, он не удержался и стал прикидывать, какие наслаждения она сулила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.